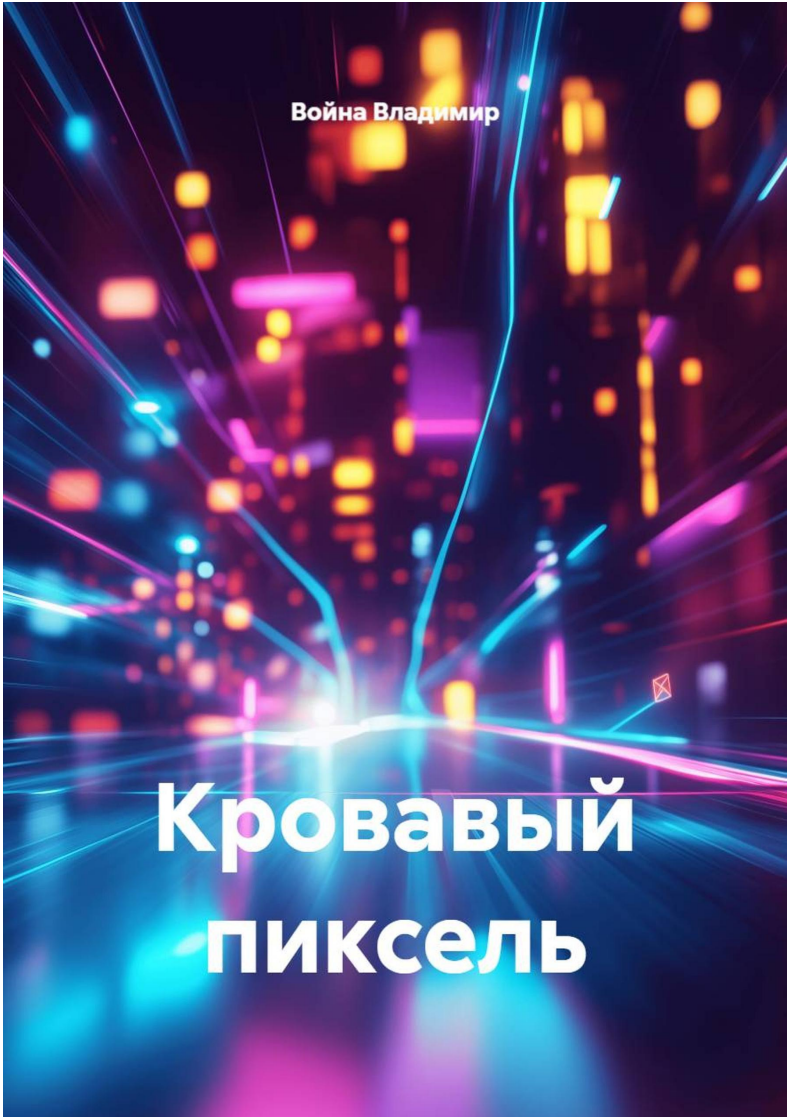

Война Владимир
Кровавый пиксель

Война Владимир

Кровавый пиксель

https://litres.ru/75020358
SelfPub; 2026

Аннотация

«Кровавый пиксель» — это мрачный психологический хоррор о том, как виртуальная жестокость прорастает в реальность. О мальчике, который слишком долго жил в мире, где смерть — это кнопка, а кровь — это пиксели. И о том, что происходит, когда игра заканчивается.

Война Владимир Кровавый пиксель

Деревня Малиновка жила своей привычной, тягучей жизнью — триста двадцать дворов, один магазин, одна школа, один автобус в день, который увозил людей в райцентр и будто забирал с собой всё, что хоть немного походило на надежду. В этой тишине особенно громко звучали чужие беды.

Дима Сорокин знал это лучше других. Шестнадцать лет, худой, с вечно всклокоченными тёмными волосами, он будто специально старался быть незаметным. И у него получалось. Даже глаза его редко поднимались от экрана — будто если он не будет смотреть на мир, мир не заметит его в ответ.

Отец ушёл, когда Диме было восемь. Уехал на заработки в город и растворился в бетонных многоэтажках, как капля чернил в воде. Мать, Галина, работала в сельском магазине. Каждый вечер она возвращалась домой уставшей, молча ставила на стол тарелку, садилась, не снимая платка, и, пока Дима ковырял вилкой картошку, смотрела в окно, где за стеклом медленно угасал день. Потом она засыпала под бормотание телевизора, а Дима уходил к себе, надевал наушники и сбегал в Либерти-Сити.

GTA IV стала его убежищем. Он прошёл её четыре раза, знал каждую улицу, каждую миссию, каждый диалог. Но больше всего он любил свободный режим — без сюжетных

заданий, без давления. Просто город, полный людей, машин, полицейских, и полная свобода действий. В этом мире он мог быть кем угодно.

Мать не понимала этого.

— Дима, ты бы хоть на улицу вышел, — говорила она, стоя в дверях его комнаты. За её спиной тянулся коридор, пахнущий варёной картошкой и пылью. — Вон, ребята на речке купаются.

— Угу, — отвечал он, не отрываясь от экрана.

Она вздыхала, будто этот звук мог вытянуть из него хоть каплю тепла, и закрывала дверь.

В ту ночь — с пятницы на субботу, в конце сентября — туман поднялся от реки и медленно, неторопливо залил огороды молочной белизной. Он полз по земле, цеплялся за заборы, прятал в себе кусты и сараи, делал привычные вещи чужими.

Дима играл до трёх утра. Взял такси в игре, доехал до порта Хоув-Бич, достал снайперскую винтовку и начал стрелять по прохожим. Обычное дело. Обычная ночь.

Он выключил компьютер ровно в 3:12. За окном стояла чёрная тишина, и только туман шевелился за стеклом, будто дышал. Дима лёг на диван, не раздеваясь, и закрыл глаза.

И провалился в сон.

Ему снилось, что он идёт по главной улице Малиновки. Ноги босые, по щиколотку в холодной росе. Но холода он не чувствовал. Чувствовал только странную, пугающую лёг-

кость — будто тело ему больше не принадлежало. Как в игре: нет усталости, нет голода, нет боли. Только цель и путь к ней.

В правой руке что-то было. Тяжёлое, привычное.

Он поднял руку и посмотрел.

Нож. Обычный кухонный нож, с деревянной ручкой и пятнами на лезвии. Тёмными, густыми пятнами, будто впитавшими в себя саму тьму.

Дима остановился посреди дороги. Асфальт под ногами был мокрым, блестящим, похожим на чёрное зеркало. Впереди, у забора дома № 14, стояла тётя Люба — соседка, которая всегда улыбалась ему и спрашивала, как дела в школе. Она стояла спиной к нему, развешивала бельё, и движения её были неторопливыми, домашними.

Он не хотел этого делать. Клялся себе потом, что не хотел.

Но тело двигалось само.

Шаг. Ещё шаг. Ноги бесшумно ступали по мокрой траве. В голове было пусто и ясно одновременно — как в игре, когда цель уже выбрана и осталось только выполнить действие.

Тётя Люба обернулась.

— Димочка? Что ты… — её голос оборвался на полуслове, будто кто-то дёрнул невидимую нитку.

Он увидел её глаза. Широко раскрытые. Сначала в них было только непонимание, потом — страх, острый и холодный, как лезвие.

Он ударил.

Один раз. В живот. Глубоко, под рёбра, снизу вверх —

так, как это работало в игре. Навык, отточенный сотнями часов перед монитором. Тётя Люба охнула, схватилась за него руками, начала оседать.

Он ударил ещё.

И ещё.

И ещё.

Он не считал. Просто бил, пока что-то в нём не щёлкнуло — будто миссия выполнена, задание закрыто. Звёзды розыска не появились. Мир остался тихим.

Дима стоял над телом и смотрел, как кровь впитывается в землю, делая её чёрной и липкой. В голове было тихо. Спокойно. Слишком спокойно.

А потом он услышал звук.

Дзынь.

Как уведомление на компьютере.

«Достижение разблокировано: Первая кровь. Убито мирных жителей: 1.»

Он резко обернулся.

Никого.

Только туман, заборы, тёмные окна домов. И тишина, густая, как смола.

Тогда он проснулся.

Дима лежал на диване, весь в поту. Сердце колотилось где-то в горле, будто хотело вырваться наружу. Руки дрожали так сильно, что, казалось, даже воздух вокруг них вибрировал.

Это был сон. Всего лишь сон.

Он посмотрел на часы: 6:47. За окном уже светлело, и птицы орали, как ненормальные, будто пытались криком разогнать остатки кошмара.

Дима встал, прошёл на кухню, выпил воды прямо из-под крана. Холодная вода текла по подбородку, капала на футболку, но он почти не чувствовал этого. Руки всё ещё дрожали.

— Приснится же, — пробормотал он, пытаясь улыбнуться, чтобы самому поверить, что всё в порядке.

Он включил компьютер, чтобы отвлечься. Экран засветился, появилось меню GTA. Но когда он увидел знакомый силуэт Нико Беллика, в голове что-то дёрнулось. Он вспомнил ощущение ножа в руке. Каким тяжёлым он был. Каким… настоящим.

Дима резко выключил компьютер.

В дверь постучали.

— Дима! — голос матери был испуганным, тонким, будто натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть. — Дима, вставай! Там… там тётю Любу убили!

Мир вокруг Димы остановился. Время будто замерло между двумя ударами сердца.

Он стоял посреди кухни, и в этой тишине он вдруг услышал тот самый звук:

Дзынь.

Будто игра снова напомнила о себе.

Тело тёти Любы нашли в шесть утра. Дядя Коля, вернувшись с ночной смены на ферме, ещё издали заметил что-то неладное: клумба с клубникой будто осела, земля там лежала неровно, комьями, а над грядками висела странная, тяжёлая тишина — та самая, которая бывает, когда мир уже сломался, но ещё не успел об этом закричать. Он подошёл ближе — и увидел жену. Она лежала между рядами, руки неловко подвернуты, лицо обращено к небу, будто она до последней секунды надеялась разглядеть там хоть какой-то смысл.

Полицейский из райцентра, щурясь от утреннего света, насчитал тридцать два ножевых ранения. Тридцать два. Он записывал это в блокнот с таким видом, будто пытался уложить немыслимое в обычную строчку, чтобы оно стало чуть менее страшным.

— Зверь какой-то, — шептали в деревне, передавая новость из уст в уста, как горячую, колючую вещь, которую хочется скорее выпустить из рук. — Не человек это. Не может человек так.

А человек сидел дома, на старом диване, обхватив колени так крепко, что пальцы побелели. Дима не шевелился. Только иногда вздрагивал, когда за окном раздавался особенно громкий голос или резкий собачий вой. Мать металась между кухней и коридором, хватала телефон, звонила соседкам, слушала, кивала, шептала «да-да», а потом застывала на секунду, будто пыталась удержать в голове всё сразу и не могла.

Дима смотрел в стену. В трещинах штукатурки ему мере-

щились улицы Либерти-Сити — серые, угловатые, знакомые до последней выбоины. Он помнил.

Он помнил каждый удар. Помнил, как нож входил в тело — мягко, упруго, с тем самым едва уловимым сопротивлением, которое в игре всегда казалось условным, нарисованным. Помнил хруст, который теперь звучал в его голове громче любого крика. Помнил, как кровь брызнула на его босые ноги, тёплая, липкая, настоящая. Помнил, как стоял над телом и чувствовал… удовлетворение. Острое, холодное, как лезвие.

Но это был сон.

Сон не может оставлять следы.

Он опустил взгляд на свои ноги. Кожа чистая, ни пятнышка, ни царапины — если не считать тех мелких, старых, от прошлогодних прогулок по крапиве и колючкам. Он посмотрел на руки. Чистые. Ни крови, ни тёмных разводов, ни засохших капель под ногтями. Только тонкая полоска от ручки, которую он вечно теребил, да заусенцы, которые он грыз, когда нервничал.

Он подошёл к окну. Через дорогу, у дома тёти Любы, стояла полицейская машина, тускло поблескивая мокрыми боками. Люди в форме ходили по двору, что-то фотографировали, наклонялись к земле, поднимали что-то мелкое, складывали в прозрачные пакеты. Один из них замер, будто что-то заметил в траве, и медленно провёл перчаткой по земле — так, словно пытался прочесть невидимые буквы.

Дима смотрел на них и чувствовал странное. Не страх, который должен был накрыть его тяжёлой волной. Не вину, которая должна была грызть изнутри. Что-то другое. Что-то, от чего у него внутри будто щёлкал невидимый переключатель, зажигая холодный, острый интерес. Предвкушение. Как перед новой миссией в игре, когда экран темнеет, появляется надпись, и сердце начинает биться быстрее.

«Убито мирных жителей: 1», — всплыло в памяти, чёткое и яркое, будто высвеченное на чёрном фоне.

Он тряхнул головой, будто хотел стряхнуть эту картинку, как воду с волос.

— Это сон, — сказал он вслух, и собственный голос прозвучал в комнате непривычно громко, почти грубо. — Это был просто сон.

В тот день он не притронулся к компьютеру. Впервые за долгое время. Вместо этого он вышел на улицу — впервые за неделю. Воздух был холодным, пах мокрой землёй, дымом из чьих-то печей и чем-то ещё, горьким и тревожным, как запах гари после грозы.

Малиновка казалась чужой. Дома стояли теснее, чем раньше, заборы казались выше, а тропинки — уже. Люди сбивались в группы, говорили шёпотом, оборачивались на каждый звук. Дети не играли, не бегали, не кричали. Даже собаки вели себя странно: лаяли на пустые углы, на тени, на ветер.

Дима шёл, чувствуя на себе взгляды. Они скользили по нему, цеплялись за воротник, за растрёпанные волосы, за

опущенные глаза. Раньше он был невидимкой. Теперь он стал заметным — и не понимал, нравится ему это или пугает.

Он дошёл до старой ивы, под которой они с пацанами курили в прошлом году. Кора была шершавой, тёмной, покрытой мхом. Он сел на корягу, уставился на воду. Река текла медленно, лениво, будто знала все секреты деревни и не собиралась их выдавать.

— Слышал? — раздался голос за спиной.

Дима обернулся. Костя, соседский парень, на год старше, вечно в грязной куртке, с сигаретой, зажатой в углу рта. Глаза у него были насторожённые, как у зверя, который чует опасность, но ещё не видит её.

— Слышал, — коротко ответил Дима.

— Тридцать два ножа, — Костя присвистнул, и этот звук прозвучал в тишине особенно громко, почти вызывающе. — Это ж как надо ненавидеть человека, а? Или вообще не чувствовать ничего.

Дима промолчал. Вода в реке отражала серое небо, и в этом отражении всё казалось чуть размытым, ненастоящим.

— Говорят, маньяк какой-то приезжий, — продолжил Костя, будто ему нужно было проговорить это вслух, чтобы самому поверить. — Или цыгане. Или…

— Или что? — Дима поднял глаза.

— Или свои, — Костя понизил голос, будто боялся, что стены домов умеют слушать. — Может, кто из наших. С виду нормальный, а внутри — зверь.

Холод скользнул по спине Димы, тонкий, как лезвие, и такой же острый.

— Чушь, — сказал он, но голос прозвучал неуверенно, будто он сам не верил в то, что говорил.

— Может, и чушь, — пожал плечами Костя. — А только дядя Коля сказал, что слышал ночью шаги. У них во дворе. Как будто кто-то ходил. Тихо так, по траве. И — это самое странное — собака не лаяла. У них овчарка злая, всех рвёт. А тут — тишина. Будто её выключили.

Дима помнил. Он помнил, как проходил мимо будки. Собака спала. Спала так глубоко, будто её дыхание слилось с тишиной ночи, будто кто-то накрыл её тяжёлым одеялом и не давал проснуться.

— Ладно, — Дима встал, коряга скрипнула под ним, как старая дверь. — Мне пора.

— Куда?

— Домой.

Он шёл по улице, и ему казалось, что каждый взгляд, каждый шёпот, каждый скрип калитки складываются в одну длинную фразу, которую все знают, кроме него. Или, может быть, только он один её слышит.

Дома он сразу прошёл в свою комнату и включил компьютер. Вентиляторы загудели, экран вспыхнул, и перед ним раскинулся Либерти-Сити — серый, шумный, полный жизни и смерти. GTA ждала.

Дима загрузил сохранение. Персонаж стоял на углу ули-

цы, в тени здания, будто тоже чего-то ждал. Он повёл его по улицам, не выбирая миссий. Просто ходил. Смотрел на прохожих. На их случайные движения, на то, как они вздрагивали от сирен, как прижимали к себе сумки, как спешили куда-то, не зная, что в любой момент всё может оборваться.

Он остановился у перекрёстка. Рядом с персонажем стояла женщина с сумкой — обычная прохожая, случайно сгенерированная, без имени и истории.

Дима нажал кнопку удара.

Персонаж размахнулся и ударил женщину кулаком. Она упала, вскрикнула, попыталась убежать. Он ударил снова. Потом достал нож.

Штык. Штык. Штык.

Кровь растеклась по асфальту, яркая, неестественно красная, как краска из тюбика.

«Убито мирных жителей: 1.»

Дима смотрел на экран и чувствовал, как уголки губ ползут вверх. Он не хотел улыбаться. Он пытался остановить эту улыбку, прикусить щёку, сжать кулаки, но она всё равно появлялась — самодовольная, чужая, будто принадлежавшая кому-то другому.

В следующую ночь Малиновка снова пришла к нему — не как воспоминание, не как мечта, а как ловушка, в которую он падал, едва успев закрыть глаза.

Дима стоял на перекрёстке, где дорога расходилась на три улицы, будто сама деревня предлагала ему выбор, которо-

го на самом деле не было. На нём были старые кроссовки, джинсы, тёмная куртка — одежда, в которой он никогда не ложился спать, но которая теперь казалась единственно правильной для этого места. В руке привычно лежал нож — тот самый, с деревянной ручкой, тёплый от его пальцев, будто они давно срослись.

Туман был гуще, чем прежде. Он не просто стелился по земле — он жил, шевелился, тянул к домам полупрозрачные щупальца, прятал углы и делал знакомые вещи чужими. В этой молочной пелене силуэты домов, деревьев и фонарей казались набросками, сделанными дрожащей рукой. Ни в одном окне не горел свет. Деревня будто затаила дыхание.

Ноги сами несли его вперёд — без его воли, без раздумий, как будто кто-то другой управлял этим телом. Мимо дома № 8, мимо колодца с покосившейся крышей, мимо старой бани, пахнущей гнилым деревом и сыростью. Всё вело к дому № 23, к крыльцу, на котором сидел дядя Витя.

Дядя Витя курил, и белая папироса в темноте горела, как маленькая, одинокая звезда. Он щурился, вглядываясь в туман, будто пытался разглядеть в нём что-то, чего не стоило видеть.

— Кто там? — голос у него был хриплый, привычный, домашний. — Дима? Сорокин? Ты чего не спишь в такую рань?

Дима не ответил. Слова застряли где-то в горле, тяжёлые и бесполезные. Он и сам не знал, может ли вообще говорить

в этом сне.

Нож в руке дёрнулся — сам, будто у него была своя воля. Дима даже не поднимал руку — он просто почувствовал, как что-то толкает его вперёд, как невидимая рука сжимает его пальцы крепче.

Штык.

В горло.

Дядя Витя захрипел, схватился за шею, пальцы скользнули по тёплой коже, пытаясь удержать то, что уже уходило. Кровь хлынула между пальцами, чёрная в темноте, густая, как смола. Он попытался встать, но ноги подкосились, и он осел на крыльцо, будто весь его вес вдруг стал невыносимым.

Дима смотрел.

Потом ударил ещё.

И ещё.

Он бил, пока тело не перестало двигаться, пока хрипы не сменились тишиной, пока тишина не стала абсолютной, тяжёлой, давящей. Она накрыла деревню, как крышка гроба.

А потом раздался знакомый звук.

«Дзынь. Достижение разблокировано: Двойное убийство. Убито мирных жителей: 2.»

Этот звук был таким обыденным, таким привычным, что от него становилось страшнее всего.

Дима проснулся.

Руки были в крови.

Не в красной, свежей, а в тёмной, почти чёрной, засохшей

— под ногтями, на пальцах, в складках кожи, в мельчайших трещинках, куда не добраться ни щёткой, ни водой. Он смотрел на них секунд десять, будто это были не его руки, а чьи-то чужие, незнакомые, принадлежащие другому человеку.

Потом он вскочил, бросился в ванную, рванул кран, и вода ударила по раковине, разлетаясь брызгами. Он тёр руки, стирал, скреб, будто хотел содрать с себя не только кровь, но и саму эту ночь, этот сон, эту правду, которую боялся признать. Вода в раковине стала розовой, потом светлее, потом почти прозрачной, но следы не исчезали.

Он мыл руки десять минут. Потом ещё десять. Потом ещё.

Кровь не смывалась полностью. Она пряталась в складках ладоней, в трещинках кожи, как будто хотела остаться, напомнить о себе.

Дима поднял глаза и посмотрел в зеркало.

Оттуда на него смотрел бледный парень с трясущимися губами и глазами, в которых плескался ужас, смешанный с чем-то ещё — с тем, что он боялся назвать даже про себя. В этих глазах было не только «я этого не делал», но и «а вдруг это всё-таки я?».

— Это не я, — прошептал он, и собственный голос прозвучал в маленькой ванной комнате непривычно громко, будто кто-то подслушал его самую страшную мысль. — Это не я…

В дверь постучали. Стук был резким, нетерпеливым, почти отчаянным.

— Дима! — голос матери был на грани истерики, тонкий, натянутый, как струна, готовая лопнуть. — Дима, дядю Витю убили! Ночью! Там полиция! Они уже у дома!

Он закрыл глаза, будто если не видеть мир, он перестанет быть настоящим. Но темнота за веками не спасала. В ней снова вспыхивал туман, снова горела папироса, как маленькая звезда, снова раздавался хрип, и снова звенел этот проклятый звук:

«Убито мирных жителей: 2.»

Полиция приехала из райцентра — двое мужчин в форме, с тяжёлыми взглядами и усталыми плечами, и один в штатском: с лицом, будто вылепленным из долгих бессонных ночей, и с потрёпанным блокнотом, который он держал так, словно тот был единственным, что не давал ему рассыпаться. Это был старший лейтенант Громов — сорок лет, седой не по годам, с глазами, которые видели слишком много и оттого почти ничего уже не удивляло.

Он ходил по деревне, стучал в двери, задавал вопросы, слушал ответы, кивал, записывал. Каждое его движение было размеренным, будто он специально не давал эмоциям прорваться наружу — знал, что если хоть раз сорвётся, то уже не соберётся обратно. Дима следил за ним из окна, стоя так, чтобы его не было видно, прижавшись лбом к холодному стеклу. От этого холода становилось чуть легче — будто реальность подтверждала: он здесь, в комнате, а не там, в тумане, с ножом в руке. Но внутри всё равно сжималось, стя-

гивалось в тугой узел, который невозможно было развязать.

Громов зашёл и к ним. Дверь скрипнула, и этот обычный звук вдруг показался Диме оглушительно громким, будто возвестил о чём-то непоправимом.

— Сорокина Галина? — уточнил Громов, глядя не на мать, а куда-то чуть поверх её плеча, будто так было проще держать дистанцию. — Ваш сын дома?

Мать засуетилась, запахнула халат, провела его в комнату, бормоча что-то про «сейчас, сейчас, он тут, он никуда не уходил». Дима сидел на диване, смотрел в пол, в одну точку — в тёмное пятно на линолеуме, похожее на засохшую лужу. Он старался не поднимать глаз, потому что боялся: если встретится взглядом с Громовым, тот сразу всё поймёт. Увидит в его глазах туман, папиросу, похожую на звезду, хрип дяди Вити, кровь, текущую между пальцами.

— Дмитрий? — Громов сел напротив, не на стул, а прямо на край дивана — так, чтобы быть ближе, но не нависать. — Мне нужно задать несколько вопросов. Ты ведь знал дядю Витю?

— Знал, — тихо сказал Дима. Голос прозвучал чужим, тонким, будто принадлежал кому-то другому.

— Когда ты видел его в последний раз?

Дима на секунду прикрыл глаза, пытаясь выудить из памяти хоть что-то безопасное.

— Не помню. Дня три назад. Может, четыре. Он ещё ругался, что мы с пацанами камешки кидали в забор.

Громов кивнул, записал что-то в блокнот.

— Ты знаешь, что его убили ночью? Ножом. Как и Любовь Петровну.

Дима кивнул. Ему не хотелось говорить. Слова казались тяжёлыми, опасными: скажешь не так — и они обернутся против тебя.

— Ты был дома этой ночью?

— Да.

— Мама подтвердит?

— Да, — снова кивнул Дима, не глядя на мать. Он чувствовал её взгляд — горячий, напряжённый, полный мольбы: «Пожалуйста, скажи правильно, не дай им усомниться».

Громов смотрел на него долго. Слишком долго. В этом взгляде не было ни злобы, ни подозрений — скорее усталость и какая-то горькая привычка видеть в людях то, что они пытаются спрятать.

— Дмитрий, у тебя всё в порядке? Ты бледный. Будто привидение увидел.

— Не спалось, — сказал Дима, и это было даже правдой. — Из-за… из-за тёти Любы. Всё думаю, как это вообще могло случиться.

— Понимаю, — Громов вздохнул, и в этом вздохе было столько тяжести, что Дима на секунду почувствовал себя почти прощённым. — В деревне такое… Впервые за двадцать лет к нам в райцентр не привозили трупы с ножевыми. А тут — два за два дня. Словно мир сдвинулся с места, а никто не

заметил.

Он встал, потянулся, будто хотел стряхнуть с плеч эту тяжесть, но она не стряхивалась.

— Если что-то вспомнишь — странное, необычное, хоть какой-нибудь пустяк, который потом показался важным, — звони. Вот номер.

Он оставил на столе визитку — белую, с чёрными буквами, с каким-то официальным номером, который теперь казался Диме почти проклятием. Потом ушёл, забрав с собой этот тяжёлый, внимательный взгляд, который ещё долго висел в комнате, будто не успел раствориться в воздухе.

Дима смотрел на визитку. Она лежала на столе, как ловушка. Взять её — значит признать, что ему есть что рассказать. Не брать — значит притворяться, что всё нормально. Он не мог решить, какой из вариантов страшнее.

А потом он посмотрел на свои руки. Они были чистые — он мыл их полночи, тёр щёткой, пока кожа не покраснела и не стала саднить. Но под ногтями, в самом уголке, где щётка не доставала, осталась тонкая тёмная полоска. Она была упрямой, будто цеплялась за него, не хотела уходить. Он сковыривал её ногтем, тёр ещё раз, но полоска возвращалась, как тень, которую не прогонишь светом.

Он сел на пол, прижался спиной к стене и закрыл глаза. Перед внутренним взором снова поплыл туман, густой и молочный, скрывающий углы домов и делающий привычные вещи чужими. Он видел папиросу — белую точку в темноте,

маленькую звезду, которая обещала хоть какой-то свет. Видел, как дядя Витя щурится, пытается разглядеть его в темноте. Слышал этот хрип, короткий и страшный, как сломанный крик.

«Убито мирных жителей: 2», — снова прозвенело в голове, но теперь это было не просто уведомление из игры. Это была метка. Печать.

За стеной мать тихо разговаривала с кем-то по телефону. Голос у неё был натянутый, как струна, и в нём слышался страх — не за себя, а за него. Дима это чувствовал. И от этого становилось только хуже.

Он поднялся, подошёл к столу, взял визитку и медленно разорвал её на мелкие кусочки. Потом высыпал их в мусорное ведро и долго смотрел, как они лежат там, среди картофельных очистков и смятых газет, будто хотели стать незаметными.

Но тёмная полоска под ногтем никуда не делась.

В ту ночь Дима не хотел спать. Он цеплялся за бодрствование, как за спасательный круг, будто если не сомкнёт глаза, кошмар не сможет до него дотянуться. Сидел за компьютером, гонял Нико по улицам Либерти-Сити, делал то, что раньше давало ему чувство контроля: давил на газ, уходил от погони, стрелял в мигающие фары полицейских машин. Всё это было понятным, предсказуемым. Здесь правила были просты: нарушил — получил звёзды розыска, переждал в укрытии, снова свободен.

Рядом остывал кофе — горький, крепкий, такой, что от него сводило скулы. Глаза слипались, веки наливались тяжестью, но он держался, тер их кулаками, встряхивал головой, будто мог вытрясти из себя усталость. На часах было 2:34, когда мир перед глазами поплыл, строчки на мониторе слились в серые полосы, а потом всё погасло.

Он вырубился.

И снова оказался в Малиновке.

Только теперь это была не улица, не огород, не крыльцо. Он стоял у школы — у старого кирпичного здания, которое днём казалось просто скучным и обшарпанным, а ночью превращалось в нечто чужое, угловатое, будто построенное не для людей, а чтобы их пугать. Туман стелился по асфальту, обволакивал стены, скрывал углы. Тишина стояла такая плотная, что в ней слышался собственный пульс — медленный, тяжёлый, чужой.

В руке привычно лежал нож. Тот самый, с деревянной ручкой, тёплый, будто часть его самого. Дима не помнил, как он там оказался. Он вообще ничего не помнил с того момента, как закрыл глаза. Но тело знало, что делать. Оно шло вперёд, уверенно, без колебаний, будто маршрут был заранее прописан где-то в мышцах, в костях, в самой его сути.

Школа была заперта, но дверь чёрного хода — та, что вела в спортзал, — была приоткрыта. Не широко, не гостеприимно, а так, будто кто-то только что вышел и забыл её закрыть. Или наоборот — ждал, что кто-то войдёт. Дима толкнул её,

и дверь скрипнула, звук разошёлся по тишине, как крик.

Внутри пахло пылью, старой краской и чем-то ещё — затхлым, нежилым, будто само здание затаило дыхание. Коридор тянулся в темноту, и свет не мог пробиться сквозь эту густую мглу. Где-то капала вода — кап-кап-кап, — и этот звук отбивал ритм, под который двигались его ноги.

Он прошёл мимо раздевалок, мимо кабинета химии, где на полках ещё стояли банки с реактивами, покрытыми слоем пыли, мимо кабинета литературы с портретами писателей, которые в темноте казались осуждающими. Остановился у кабинета истории.

За дверью горел свет. Жёлтый, тусклый, будто просачивался сквозь веки больного человека. Он был таким неуместным в этой ночной тишине, что казался почти зловещим.

Дима открыл дверь.

Игорь Петрович сидел за столом, склонившись над тетрадями. Пятидесятилетний, с густыми усами, с вечным запахом валерьянки, который тянулся за ним, как шлейф. Он всегда казался Диме человеком, который знает про мир всё — и не спешит этим знанием делиться. Сейчас он поднял голову, и в его глазах мелькнуло сначала удивление, потом узнавание.

— Дима? Что ты здесь… — он не договорил.

Слова оборвались, как натянутая струна.

Нож вошёл в грудь — резко, глубоко, без раздумий. Игорь Петрович схватился за край стола, пальцы побелели, ногти

впились в дерево. Он попытался встать, будто хотел просто выпрямиться, вернуть себе достоинство, но тело уже не слушалось.

Дима ударил ещё.

И ещё.

Тетради полетели на пол, страницы раскрылись, как крылья мёртвых птиц, и тут же потемнели от крови. Чернила из ручек смешались с ней, растеклись по бумаге, превращая аккуратные оценки в бессмысленные кляксы.

Тишина накрыла кабинет, тяжёлая, липкая, будто сама реальность отшатнулась от того, что только что произошло.

А потом раздался знакомый звук.

«Дзынь. Достижение разблокировано: Тройное убийство. Убито мирных жителей: 3.»

Этот звук был настолько обыденным, настолько привычным, что от него становилось страшнее всего.

Дима проснулся в 5:12.

Комната была такой же, как всегда: кровать, стол, полка с книгами, которые он никогда не читал, постер с машиной, которую он никогда не купит. Но сам он был другим.

Руки были в крови. На этот раз — не только руки. На футболке темнели пятна, похожие на уродливые цветы. На джинсах бурыми разводами застыли потёки. Он смотрел на себя в зеркало и не узнавал. Лицо было бледным, глаза — пустыми, будто кто-то вынул из них всё, что делало его Димой, и оставил только оболочку.

Он не мог это контролировать. Он не хотел. Но тело делало это без него, двигалось, резало, убивало, пока он сам где-то прятался, сжавшись в комок, и не мог даже крикнуть.

Дима снял одежду, скомкал её, засунул в чёрный пакет, который нашёл под раковиной. Пакет он спрятал в дальний угол шкафа, за стопку старых учебников, туда, где никто не станет искать. Потом пошёл в ванную, включил воду, горячую, почти обжигающую, и начал отмываться. Терел кожу до красноты, до боли, будто хотел содрать с себя не только кровь, но и саму эту ночь.

Потом он вымыл пол в комнате — там, где могли остаться капли, следы, улики. Протёр стол, стул, дверную ручку. Всё, чего он касался, всё, что могло его выдать.

Когда комната снова стала обычной, он сел на диван и стал ждать новостей. Сердце билось где-то в горле, мешая дышать, мешая думать. Он смотрел в одну точку, на пятно на линолеуме, и пытался убедить себя, что это просто сон, что он никуда не ходил, ничего не делал, что кровь — это краска, это грязь, это что угодно, только не то, о чём он думает.

В восемь утра прибежала мать. Она влетела в комнату, не снимая сапог, не снимая платка, с лицом, на котором страх и ужас смешались в такую густую смесь, что от одного взгляда на неё становилось холодно.

— Дима! — голос у неё срывался, дрожал, ломался. — Игоря Петровича убили! В школе! Ночью! Полиция уже там! Говорят, всё в крови!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.